

Владимир Мамута

*Кот
под луной*

Tempore apparatus

Владимир Мамута

Кот под луной. Tempore apparatus

«Издательские решения»

Мамута В. М.

Кот под луной. Tempore apparatus / В. М. Мамута —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933659-0

Почти научная фантастика. ПОВЕСТЬ. Раньше все люди ходили под Богом, в него и верили. Теперь люди верят в научно-технический прогресс, вскрывающий тайники мироздания с удалью казака, рубящего шашкой кочаны капусты, и заваливающий благодарное человечество разного рода благами. Каким будет итоговый счёт? И кто его выставит? Книга не содержит ответов — одни вопросы, причём, в самой туманной форме...

ISBN 978-5-44-933659-0

© Мамута В. М.
© Издательские решения

Содержание

Двадцать шестое июня, 2015	6
Глава 1. Кощей Бессмертный и змея	8
Глава 2. Теория для дилетанта	17
Глава 3. Яночка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кот под луной Tempore apparatus

Владимир Михайлович Мамута

Путешественник во времени держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет немного больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества...

«Этот маленький механизм – только Модель, – сказал путешественник по времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом, — по ней я делаю машину для путешествия во времени...»

Герберт Уэльс. «Машина Времени».

© Владимир Михайлович Мамута, 2018

ISBN 978-5-4493-3659-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двадцать шестое июня, 2015

Служба, блин, служба...

Капитан, как мог, выпрямил спину, чтобы между обивкой кресла и позвоночником образовался зазор, и мокрая рубаха, наконец, отлипла от кожи. Хоть он и открыл дверку патрульной «Гранты» настежь, воздух оставался неподвижным, и поток тепла от раскалённой крыши вдавливал голову в плечи. С выпрямленной спиной писать было неудобно, и капитан обреченно откинулся назад.

Жара стояла уже неделю, или даже больше... Когда они подъезжали, на севере, на горизонте, в мутном колышущемся мареве, темнела полоска облаков, и напарник, салага Мирошник, долго гнал пургу про то, что, мол, через пару часов пойдет дождь, и только бы не налетел шквал, а то, после сильной жары, дождь часто начинается со шквала. Как же... Следа не осталось от того лейтенантского облачка.

По третьей полосе, прижимаясь к двойной сплошной, медленно цедился чадящий транспортный поток, потому что, в тридцати метрах впереди, во второй полосе, неловко, наискосок, торчала длинная черная «бэха» – семерка, с наглыми, как у всех «бэх», номерами. Позади неё, уже в первой полосе, у края истертой колесами «зебры», лежало тело, укрытое застиранной простынёй, с большим бурым пятном на месте, где следовало бы быть голове... Из-под простыни торчали ноги – босая, с оттопыренным большим пальцем, и обутая – в сандалике, на тонкой, какой-то скрученной, подошве. На обочине, в уже длинной, но ещё по полуденному контрастной тени «Газели» с мигалкой, топтались медики, ожидавшие дальнейших указаний, а вокруг «бэхи» бродил Мирошник, и рисовал на планшете схему ДТП. «Взрослеет салага, – вяло усмехнулся про себя капитан, – санитар припахал, чтобы конец рулетки держал... Ладно. Работа конечно не волк, но...».

– Гражданин Гусев, продолжайте, – голос у капитана был простуженный – сиплый и срывающийся при попытке говорить громче, – я записал с ваших слов, что сигнал светофора был желтый. На какой скорости шли?

В зеркало было видно, как бледный, перепуганный пацан на заднем сиденье, лет двадцати, с модным, прилизанным какой-то дрянью, смешным хохолком на темечке, беззвучно шевелит твердыми губами.

– Т-тридцать... – выдавил всё-таки пацан хриплым полушёпотом.

К открытой дверке подошёл лейтенант и протянул коричневые корочки с золотой надписью «Пропуск» по дешёвому коленкору.

– Вот, осмотрел... Больше никаких документов нет. Ещё пятьсот рублей, в пропуске... Протокол составил... Свидетели нашлись, двое... Подписались уже.

– Хорошо, что свидетели... Мобильник есть?

– Что?

– Блин, не могу громче, задолбали эти кондиционеры, ближе подойди... Мобильник есть?

– Разбился. Собрал, в пакет сложил.

– С фоткой сравнил? Его пропуск?

– Да там от лица не осталось ничего, смотреть страшно, кровища одна...

– Эх ты, Мирош-кин... Страшно ему...

– Мирошник!

– Был бы ты, Мирошкин, Мирошник, ты б, согласно историческому моменту, крови не боялся бы.

– А идите-ка вы, товарищ капитан, знаете куда! – как-то привычно обиделся лейтенант.

– Ладно, ладно... Терпи службу, – ухмыльнулся капитан, – тормозной есть?

– Двадцать два и семь. Плохо видно – «а-бэ-эс».

– Хорошо... хоть и плохо. Ну, иди, заканчивай... Не дуйся давай.

Капитан с иронией покосился в зеркало.

– Итак, тридцать километров в час, записал. Посмотрим, кто преградил вам светлый путь, Дмитрий Олегович...

– Он на жёлтый шёл!

– Да на жёлтый, на жёлтый, не волнуйтесь, я записал... Лунёв Владислав Иванович, начальник сектора... Конструкторское бюро тепловых машин... Семидесятого года рождения... Это которые движки для ракет делают, что ли? Ты смотри, Дмитрий Олегович, целый сектор ракетных конструкторов обезглавил... ФСБ, небось заинтересуется. Угрозило вас – и меня вместе с вами... Так что, продолжим. Со всей тщательностью.

Глава 1. Кощей Бессмертный и змея

Вот не знаю, это у меня только так бывает? Каждый день, если только позволяет погода, я с работы пешком хожу, минут сорок получается. А то работа сидячая... Да и автобусное *ambiente* из-под мышек, даже украшенное парфюмом, не вдохновляет. Хотя, на вкус. Говорят, Гитлер уважал. И вот месяцами – никого знакомого на пути, и ничего, кроме времени года, не меняется. Понятно, город-то не маленький. Точнее, маленький, но мегаполис, так сказать, по нижнему допуску.

А бывает, как сегодня. Только вышел из проходной – Тайка, однокурсница, мимо бежит, лет пять её не видел. Раньше у неё были тёмные волосы до плеч, которые иногда собирались в хвост, а теперь она их сменила на короткую стрижку, открывавшую длинную тонкую шею. Тоже красиво.

– Ой, Лунёв! Сто лет тебя не видела!

Обнялись, поболтали. Точнее, болтала Тайка, а я слушал – как её близнецы выросли, какой муж начальник, и какие в Греции пляжи чистые, а в ресторанах блюда с морепродуктами. Ещё что-то... Спам в общем, но зарядила позитивной энергией. На меня Тайкин спам всегда действовал гипнотически, вообще не важно, что говорит, а слушать приятно, прямо в нирвану погружаешься. И глядит, своими удивлёнными, круглыми, серыми глазами, неотрывно и доверчиво, в твои глаза... Тайка молодец, витамин такой. И встрече радовалась искренне.

Минут через пятнадцать, смотрю – на лавочке одноклассник, Андрюха, сигарку смолит, ногой мокрый асфальт ковыряет... Неделю жара пекла, а перед концом работы вдруг ливень пролетел, минут пятнадцать, как из шланга, полоскало. Попрохладнело... Воздух прозрачный такой, и зеленью пахнет. Приятно посидеть, наверное... С Андрюхой мы, до восьмого класса, как коты до крови сцеплялись, черт его знает, почему. А потом он в ПТУ пошёл. Как-то встретились, я уже политех кончил, а он – чуть не обниматься! Да и я, вроде, обрадовался. И что это тогда было? Подошёл, поговорили, повспоминали...

А потом... потом стресс был. К переходу подхожу – всё, зелёного дождался... Смотрю, автобус в первом ряду остановился, ну, так, почти у зебры, полнеба закрыл. Я пошёл, а у обочины лужа, довольно широкая. Народ рядом тоже двинулся, но в обход лужи. А я замешкался на секунду, примерился, прыгнул, и тут сарай чёрный беззвучно вылетает из-за автобуса, только покрышки по мокрому асфальту прочмокали. Даже не притормозил, сволочь, ветром только горячим пахнуло... «Бэха», вроде. В десяти сантиметрах пролетел, я, с перепугу, не отmaterился даже. Ну, перешёл, постоял на том берегу, иду дальше, переживаю... Родился, блин, кажется во второй раз... Фантазия разыгралась. Почему-то представил, как Тайка тарачит свои серые глазищи, по-честному мокрые, и рассказывает по очереди всем встречным друзьям и знакомым, как она меня видела, прям за полчаса, и как хорошо поговорили, и надо обязательно встретиться, и помянуть, и ничто не предвещало, и вообще надо чаще встречаться, а то... А потом про Грецию и блюда с морепродуктами, потому, что жизнь – продолжается.

Не знаю, почему-то зацепило меня это происшествие. Вон, пару лет назад, зимою глыба льда с крыши съехала, в шаге впереди разбилась, осколок коленку зашиб, пол дня хромал – и ничего, кроме дурацкого весёлого оживления, наверное, от адреналина. А тут – тревожно, и не отпускает.

Думаю, надо зайти, четвёрку, что ли, взять, отметить факт продолжающейся жизни – и дух перевести. Тем более, пятница. Уже к своему кварталу подхожу, собрался дорогу к магазину перебежать, смотрю, впереди Алексей Петрович, не торопясь, идет. Я его сразу узнал, хоть и не видел лет десять. Он так сутулится, и лысинка, как пятачок среди длинных волос с проседью... Хотя нет, не пятачок уже, подросла лысинка... И седины больше, и волосы жиже. Я

даже немного расстроился из-за его поредевших волос. Потому что, характерный такой тип, и располагающий к себе. По крайней мере, меня...

С Алексеем Петровичем я познакомился, кажется, в девяносто третьем. Я тогда только политех закончил по специальности «авиадвигатели». Год почти просидел на шее у родителей. Рушится всё вокруг, идти некуда... На рынок шмотьём торговать не тянуло, в бандиты тоже... Учился-то я нормально, хотел по специальности, а тут такой облом. Даже армии не нужен, хоть лагеря прошёл, и лейтенанта запаса получил. Младший брат, Ярик, тогда не выдержал, права купил, и, с третьего курса матфака, двинул машины бэушные гонять, вторым номером, в экипаже с каким-то зубром.

И тогда отец поговорил с давним другом, Игорем Сергеичем, который средним начальником в КБТМ оказался. Ну и тот говорит, давай пристрою, у нас кадры побежали счастье полными баулами возить, а работа ещё есть, всё-таки, мать её, стратегическая, пока не растащили, отрасль. Денег много не будет, зато зарплату иногда продуктами дают. Так я в КБТМ и попал, на должность инженера третьей категории. Игорь Сергеич начальником испытательной станции был, и, понятно, меня к себе взял. Старшие товарищи движок на стенде гоняют, а я присматриваюсь, и журнал заполняю. Ну, хоть так, хотя ушам – больно... В принципе, интересно было, живая машина в работе, хотя, по правде сказать, уровень техника. Да ещё в технологии спирт, и, в сочетании со всеобщим стрессом на почве разрушения идеалов, бухали все по чёрному. Прямо на стенде, в конце смены. Игорь Сергеич потом, года через два, от инсульта помер. Жалко. Хороший был мужик, мы с Яриком его с детства помнили.

Ну вот, на испытаниях, всё время кто-нибудь толкался из смежников – конструкторы там, электрики, киповцы... Ну, и Алексей Петрович часто заходил. Был он хронически прикомандирован к нам от смежного института, занимавшегося дальней связью и, в частности, телеметрией. К нему с уважением все относились, спец, говорили, классный. И, главное, вид, какой надо спецу – Паганель такой, псих учёный: длинный, худой, нос тонкий, прямой, чутко кривоватый, губы поджатые, глаза чёрные, блестящие, с сумасшедшинкой, и, если соскакивает на свою тему, то ему уже не важно, что его не понимают – говорит, как со своим братом – радистом. И голос, как у советского диктора – такой обволакивающий баритон. Я даже, после нескольких его посещений, интересоваться начал, и пытался въехать в его проблемы, хоть это, в мои примитивные служебные обязанности, никак не входило. А Петрович это дело приметил, подсядет, и просвещает по проблемам телеметрии. Я теперь подозреваю, что он больше сам себе свои же идеи проговаривал, потому как, «сначала было слово»... Ну, в принципе, это мне потом пригодилось. Я потом к конструкторам присмотрелся, и, как Игорь Сергеич помер, к ним в отдел перешёл, и так дальше и продвигался на ниве карандаша и резинки. Да, для конструктора кругозор важен.

А с Петровичем мы сошлись *почему-то*, хоть он на пятнадцать лет старше. Вот, как с одноклассником Андрюхой почему-то сцеплялись, а здесь – почему-то сошлись... Он меня даже на сороковник домой пригласил, я тогда ещё не женился. Нормально тогда посидели... Оказалось, что у Петровича есть домик в квартале послевоенных частных домов, в основном деревянных, обитых, крашеной в тысячу слоёв облупливающейся краской, дощечкой в ёлочку, с потемневшими шиферными или гнилыми железными крышами, на низких цоколях из дефицитного, после войны, битого кирпича... Как этот квартальчик сохранился среди советских новостроек, в одной из которых я жил?

Вот так. И жили рядом, и не виделись десять лет. Даже больше! Отлучили его от вечной командировки перед тем, как Ельцин ушёл – это ведь в девяносто девятом? Куда-то его перевели, на другую тему, и с повышением, говорят, оценили, как учёного. Как уходил, позвал на проставу, договорились пересекаться, а жизнь, она, как всегда, по – своему всё устроила.

Ну так вот, впереди Алексей Петрович, не торопясь, идет, а я его, значит, догоняю...

Вот опять не знаю, это у меня только так бывает? Когда лоб в лоб с человеком встречаешься, там всё понятно, согласно принятому ритуалу идёт. А тут... Вроде и рад человеку, а есть выбор. Окликнуть... Или оставить всё как было, во избежание неожиданностей, да и перебежать, всё-таки, на другую сторону улицы. Может, оглянется Петрович, улыбнётся через силу... «— Как дела?.. Извини, тороплюсь, рад был увидеть!» ... Я всегда мучаюсь, когда есть выбор. Прислушиваюсь к себе, жду какого — то сигнала, что ли? Недавно, на что хрень — мобилка сдохла, новую выбирал — так три дня в нете сидел — отзывы, характеристики... А купил в итоге не по отзывам, а по *сигналу*. Ничего, работает...

— Алексей Петрович! — я поравнялся с ним, и видел знакомый профиль. Да, не помолодел...

— Что?.. Владик? — Петрович остановился, повернул голову, и у меня, как говорится, отлегло от сердца. Я был *к месту*, сигнал случился правильный...

— Вот... Сколько лет, — я уже пожимал протянутую руку. Рукопожатие было по — прежнему крепким.

— Рад, рад... — и я видел, что он и правда рад, и мне было приятно, что он рад. Вот же, и отношения были, ну, скажем, просто приятельские, и не виделись чёрт знает сколько, и встреч, если честно, не искали, а тут такой неожиданный резонанс душ. Так у меня когда-то... давно... бывало. Начнешь с человеком говорить, хоть и случайным, и в общем, о пустяках, и тут вдруг, как магия какая-то: обыденные слова обретают тайный смысл, и сквозь некачественное лицо проступает прекрасный лик, заполняющий колышущееся пространство, и какая-то сила притяжения соединяет души — вот, это важно, то, что он сейчас говорит, и сам факт существования этого человека важен для мироздания, и я не зря живу... Только с годами прошло. Стандарт в общении, что ли, нарабатался, ожоги накопились, и... В общем, если только в диапазоне между ста пятьюдесятью и четырьмястами, да и этот эрзац всё реже случается. Загрубел. Скорлупой покрылся. А «Бэха» бежала, хвостиком махнула... и скорлупка треснула?

— Ну, ты где сейчас?

— Да там же, сектором команду... На газогенераторах...

— О! Ответственно! Отделом-то, кто правит? Маштаков, небось, на пенсии?

— Три года назад ушёл, а в прошлом году помер...

— Царствие... Хороший спец был. Лет восемьдесят?

— Семьдесят восемь. Нового со стороны взяли. Вроде, тянет...

— Деньги-то платят?

— Получше сейчас. Работы много. Две темы идёт.

— Ну да, нормально. Как, семьёй обзавелся?

— Да... Была. Недолго. Не оправдал высокого доверия.

— Извини... Слушай, сегодня, вроде как банный день... Времени есть чуток?

— Есть, в принципе...

— Давай ко мне зайдём, посидим... А то, что-то *долго* ты ко мне не заходил.

Говорил Петрович плотно, немного отрывисто, казалось, что он иногда улыбался, но не губами, а как-то всем лицом, что ли... Такая тень доброжелательной улыбки, набегающая иногда на глаза, и лишь слегка касающаяся уголков губ.

— Так, а я тогда в магазин забегу, возьму что-нибудь. Вы что предпочитаете?

— Не надо, не трать дорогое время. У меня есть всё... Я настаиваю.

— Неудобно...

— Ну, ты прям требуешь, чтобы я рассказал, когда бывает действительно неудобно, — тут он впервые улыбнулся широко.

По узкой асфальтовой дорожке, растерзанной глубокими трещинами и выбоинами, мимо заросших кустами палисадников, болтая о пустяках, мы свернули в переулок, наполненный теснящимися кривыми крышами стародавних домиков, меж которых то тут, то там, пробива-

лась яркая, после недавнего дождя, зелень яблонь и вишен. Крыши у домиков стали получше, чем пятнадцать лет назад, стены украсила пластиковая вагонка, и даже, как нахальный золотой зуб посреди не слишком ухоженного рта, торчал вдалеке новенький двухэтажный особняк, сияющий широкими зеркальными окнами.

Хоромы Петровича располагались напротив особняка. Каким-то чудом, домик сохранил изначальную миниатюрность и девственность, не рассыпавшись, как большинство соседей, на распolzшиися по участку составные части, принадлежащие разным владельцам, и даже, в отличие от хозяина, помолодел, обретя новый слой краски на дощечках ёлочкой, ярко-синюю крышу и модные окна в пластиковых переплётках. Ещё появился высокий сплошной зелёный забор из волнистых железных листов, с воротами и калиткой.

– Никак машиной обзавелись?

– Нет уж... Суета это всё, и потеря драгоценного времени. А вот дочка с внуками иногда заезжает. Заходи.

Петрович распахнул калитку, пропуская меня вперёд. Я шагнул на дорожку из неровно лежащих, погрузившихся в землю и потрескавшихся бетонных плиток, с причудливыми пятнами подсыхающей влаги, и оказался в тени яблонь, сохранивших душистую прохладу недавнего дождя, уже разогнанную зноем и ветром там, за зелёным забором. Сделав несколько шагов, я услышал, как Петрович громыхает засовом, запирая калитку, остановился, глубоко вздохнул и понял, что тревога, наконец, покинула меня.

– Ну, Владик, проходи в дом, нам придётся самим ужин сварганить, а то Валентина Михайловна моя у дочки, на даче.

– На даче? Да у вас *здесь* дача...

– Не... ключевое слово здесь – «у дочки». В сладком рабстве у внуков, пока дети трудятся. Проходи на кухню.

– Понятно... Чем помочь?

– Сейчас, дай сообразить. Я нормальную еду буду разогревать, а ты зелёнку покроши, сейчас выдам... Ножик вон там, и дощечка. Руки помнишь, где помыть?

Я осмотрелся. В общем-то, в доме мало что изменилось, и это обрадовало меня. Когда я входил в прихожую, у вешалки скрипнула половица – скрипнула, как пятнадцать лет назад. Петрович, не вздумай чинить эту половицу! Громко и уютно тикали часы – как пятнадцать лет назад. Нынешние часы, они ведь не тикают... Время соединилось, и я понял природу моей ушедшей тревоги. Просто, именно сегодня моё время не должно было останавливаться, иначе оно не соединилось бы в завершённый круг. Я должен был попасть сюда – в этот дом, где и было всего пару раз. Всё верно, всё верно, дом. Дом – как раз то место, где должна копиться память – и в старых вещах, и в запахах, и в фотографиях на стенах, в доме должны рождаться и умирать, плакать и смеяться... Идиотская карусель смены нового на совсем новое, да она просто стирает человека, превращает в такой... наркозависимый субъект и, одновременно, объект потребления, тупой, злобный и завистливый, с чёрной кочерыжкой вместо души. Вот у меня – разве дом? Времянка, куда забегаю переночевать, заполненная даже не случайными вещами, а так – *девайсами*, предназначенными для периодического уничтожения. Хоть работа человеческая, не для денег... Да. Мне только предстоит обрести дом, сделать хотя бы ещё одну попытку.

Я с удовольствием резал молодые огурцы, редиску и зелень на выскобленной дощечке из какого-то мягкого светлого дерева, с глубокой выемкой к середине от долгого употребления. В выемке скапливалась вода, подкрашенная зелёным соком. И ножик был старый, источенный, ещё советский, из моего детства. В микроволновке кружилось что-то мясное, распространявшее соблазнительный аромат.

– Ну что, здесь расположимся, или выйдем в сад?

– В сад давайте!

– Ну, тогда смотри. Там, в саду, столик под деревьями увидишь, таскай туда закусь, хлеб не забудь, вон он, ну и это, видишь всё... Поднос возьми, чтобы быстрее. Салатик свой майонезом заправь. А я в погреба!

Хозяин вышел из дома, и я, заполнив поднос, поспешил за ним. На улице огляделся, увидел под большой, художественно корявой яблоней, усыпанной незрелой яблочной мелочью, сколоченный из досок, довольно длинный стол, покрытый выцветшей потёртой клеёнкой, украшенной лужицами дождевой воды и сбитыми потоком воды и порывами ветра листьями. У стола стояло несколько древних, крашенных линиями масляной краской разных цветов, табуреток. Одной из них посчастливилось попасть в колышущееся пятно солнечного света, пробившегося сквозь густую листву, и она отбрасывала уже довольно длинную, мерцающую в такт порывам ветра, тень.

За один раз на поднос всё не поместилось и, когда я возвращался из второго рейса, увидел Петровича выходящим из-за дома с двумя бутылками, ловко удерживаемыми одной рукой, потому что вторая рука была занята кемпинговым фонарём, похожим на старые керосиновые лампы. Наверное, за домом и был спуск в заявленные погреба.

– Не много будет? – спросил я, скорее из вежливости.

– Так чтобы два раза не ходить! На свежем воздухе, оно... Смотри, вечер-то какой! – ритм речи улыбавшегося всё чаще Петровича изменился, он больше не был плотным, а даже немного расслабленным.

И правда, вечер... Ве-чер... «Вечер, ты помнишь, выюга злилась...». Вечер – это что, уже *вечера?*.. Я почувствовал себя выпавшим вдруг из навязчивого ежедневного ритма, превращавшего вечера в короткую злую метку на рабочем графике, одну из множеств, обозначающих неизбежно скорое наступление нового дня, похожего на предыдущий, как воробьи в стайке, только что мелькнувшей над головой. Нет, пусть выюга злится, а вечер пусть *длится*, зачем торопить новый день... Ведь не хуже звучит: «Вечер, ты помнишь, выюга *длилась*...».

Мы устроились друг против друга. Петрович принялся нарезать сыр, объявив, что горячее пойдёт ко второй, а я рассматривал принесённые им бутылки причудливых, как французская любовь, форм. Ого... «Мартель», «Хеннесси»...

– Алексей Петрович, чёт излишне шикарно. Может, попроще чего? – я действительно почувствовал себя неудобно – ну, не юбилей же какой...

– Тебя форма смущает? Давай лучше оценим содержание, ибо форма обманчива и может скрывать многие сущности! – отреагировал Петрович, выдёргивая пробку и наполняя стопки.

– Ну, со свиданием тогда!

Чокнулись, и я неприлично опрокинул в себя напиток, как будто не знал, что с «Мартелем» так не обращаются. На самом-то деле, я не любитель коньяка и излишнего расширения сосудов, поэтому даже обрадовался, что выпитое коньяком явно не было, а было чем – то другим, приятным, отзывающимся мгновенным теплом в пищеводе, крепким, мягким и с ароматной фруктовой ноткой. Сразу закусывать не хотелось, я свернул трубочкой тонкий влажный ломтик сыра и, не торопясь, положил его на язык, чтобы терпкий горьковатый сырный вкус смешался с остатками фруктового аромата.

Помолчали, прислушиваясь к наступающей лёгкости, стирающей впечатления уходящего дня и неуловимо меняющей контуры окружающего мира.

– И как тебе?

– Здорово. Это что?

– Ха! Нам, кандидатам в доктора, свойственен научный подход даже к древнему искусству винокурения. Тем более, падалицу жалко – и она есть творение Божье... Видишь, как бывает. Несбывшиеся ожидания не всегда приводят к разочарованию... За завтрашнее самочувствие, кстати, не опасайся.

– Ну, вы маг!

– Давай, горяченького – и, без длинной паузы, ещё по одной...

Добавляя по чуть-чуть, на намеченном пути в промежуточную нирвану, и исполняя сладкий ритуал разговора ни о чём – с длинными паузами, украшенными щебетом птицы, спрятавшейся в ветвях сада, или шелестом листвы, разбуженной порывом ветра – мы, как парусник, всплыли в густые сумерки. Петрович, хмыкнув «– краёв не видно!», щёлкнул выключателем фонаря, и яркий синеватый свет мгновенно заключил нас в тесную комнату со стенами из мрака, в котором колыхались странные тени.

Мне стало немного тревожно, и, чтобы прервать затянувшуюся паузу, я спросил:

– К нам в командировку не собираетесь?

– Вряд ли. Я от космической связи далеко ушёл. Кардинально.

– Да ладно! – ляпнул я в пьяном возбуждении, – как нам изменять, так всё просто получилось! Найдите повод – и в командировочку, а мы уж встретим. Вас хорошо вспоминают!

– Всё не просто, Владик, всё непросто... Последние пятнадцать лет я занимаюсь... Ладно. Подводной связью на сверхдлинных волнах. Это совсем другая область и даже, где—то, другая физика... – Петрович говорил медленно, но отчётливо, и даже с какой—то подчеркнутой артикуляцией каждого звука. Его и раньше, помнится, не сильно «забирало» на застольях.

Я понял, что ляпнул, но продолжал упорствовать.

– Ну а чё – антенны, датчики, передатчики, какая разница!

– Разница. Она су-ще-ствен-на! Хотя тебе, конечно, простительно непонимание разницы, – тут я понял, что Петрович седлат любимого конька, и мне следует собраться, дабы не потерять реноме, – Видишь ли, космическая связь осуществляется в сантиметровых диапазонах, ну, ты видел эти тарелки, а вот дальняя подводная связь имеет дело с длинами волн в сотни, тысячи километров! Речь идёт об огромной потребляемой мощности, такой, что нужна специальная электростанция, чтобы запитать передатчик, крайне низком коэффициенте полезного действия, антеннах длиной в десятки километров... весьма неординарной конструкции. Станции дальней подводной связи смогли построить лет тридцать назад только Союз и Штаты. Британия пыталась, но закрыла программу. Это очень дорого, даже только наука. Пока... Пока удалось освоить длины волн порядка четырёх тысяч километров – это частота около восьмидесяти герц. А дальше – область неведомого, которое меня очень... крайне интересует. И утолить своё любопытство я могу, только участвуя в госпрограмме, ну, хотя бы по подводной связи. Так что, никаких сантиметровых тарелок!

Петрович усмехнулся и замолчал, а я вдруг почувствовал себя мальчишкой с водяным пистолетиком, попавшим на танковый полигон.

– И что там, за восьмьюдесятью герцами? – спросил я осторожно.

– Ха! Там ключ... Знаешь, такой золотой ключик, как у Буратино, – я не почувствовал в словах Петровича иронии, скорее воодушевление, – И пока... пока сказка, которая вдруг может перестать быть сказкой. Правда, я не уверен, что всё это своевременно...

Петрович вновь задумался, глядя сквозь меня.

– И всё-таки?

– Не боишься проткнуть носом полотно, на котором нарисован... всего лишь очаг?

Я промолчал...

– Ладно, – Петрович задумался на секунду и продолжил, – у меня со сказки всё и началось. Про Коцея. Бессмертного. Ты знаешь, что Валентина Михайловна филолог университетский?

– Нет, как-то не прозвучало, когда знакомились... Или забыл...

– Филолог. А специализируется на фольклоре. Так что, я её сказки чуть не сорок лет слушаю. Да... И вот, по началу, я её подначивал – мол, что это за наука – сказки. Вот мы, физики... А она мне: «– что б ты понимал, циник несчастный, сказки стали литературой исторически

позавчера, а изначально они есть зашифрованное свидетельство о древнем опыте человечества!» Вот, Илья Муромец, скажем – сказочный герой, а вместе с тем – исторический, и есть могила, которой можно поклониться... И кто сказал, что, могила Святогора не отыщется? В древности люди, в общем-то, ничего не выдумывали, а пересказывали виденное и слышанное, как понимали, но честно, и передавали в виде сказки от деда к внуку. Понятно, что ошибки со временем накапливались, но ядро – оно оставалось настоящим, и главное, до него добраться. Вот, Валентина Михайловна, как археолог, и счищает ошибки, словно землю с черепка, с переменным успехом. Ну, наверное, и правда – наука.

– Так, а...

– Погоди!.. Вот я как-то задумался, под влиянием женой пропаганды, и в порядке логического упражнения, а какое это самое историческое ядро в сказках, где про Кощея?

– Ну как, – вяло отреагировал я, расценив последние слова как вопрос к себе, – лав стори, где Кощей есть символ препятствий, на пути влюблённых царевича и, как там её...

– Во-во, жертва мультфильма, и вообще массовой культуры. Лав сторя твоя – это уже работа литераторов. Во всех сказках про Кощея есть неизменяемое ядро. Смерть Кощея.

– А... Хрустальный ларец, заяц кажется, утка, яйцо, игла...

– Ну, точнее так. Смерть Кощея спрятана на острове Буяне, на котором растёт дуб, на дубе висит сундук – иногда зарыт под дубом – в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла. А смерть Кощея *на конце иглы*. Ничего не напоминает?

Петрович явно увлёкся. Я никогда не видел его таким возбуждённым. Он снова говорил *плотно*, но обычно его интонации окрашивались лёгкой иронией, а тут... Он встал, прислонился спиной к яблоне, оказавшись на границе света и тьмы, и в глазах его поблескивал синеватый огонёк фонаря. И я вдруг, то ли от выпитого, то ли от того, что сегодня моя нажитая скорлупа действительно осыпалась, как когда-то *ощутил*, что слова Петровича имеют тайный смысл, и сквозь его скрытое тенью лицо проступает прекрасный лик, заполняющий колышущееся пространство, и какая-то сила притяжения соединяет души – вот, это важно, то, что он сейчас говорит, и сам факт существования этого человека важен для мироздания, и я не зря живу...

Я отрицательно покачал головой.

– Ну как же, тебе тридцать лет чакрами и аурами мозги промывают, а ты до сих пор не проникся. Ну, слушай... И в ведической традиции, или, если хочешь, сказках, и у китайцев, человек имеет семь тел – физическое, эфирное, астральное, ментальное и ещё три, собственные его высшему «я». Сундук, заяц, утка, яйцо... А которые высшее «я» – это игла! Кстати, игла трёхчастна: тело, ушко, остриё... В некоторых вариантах сказки, чтобы Кощей умер, нужно сломать иглу – то есть лишить его индивидуального, личного «я». Но мне интереснее другой вариант, я думаю, более древний, восходящий к первичному знанию, где говорится, что смерть Кощея *на конце иглы*.

– Что за первичное знание? – обеспокоился я.

– Это сейчас не важно, можно потом, когда-нибудь... Слушай, ты ведь не считаешь себя прямым потомком макаки с сочинского пляжа?

Я догадался, что это не грубость, а намёк на происхождение первичного знания, и не обиделся.

– Не огорчай, – продолжил Петрович. – Да... Так что есть конец иглы? Тысячу лет назад схоласты поняли, что идеальная игла на своём конце сходится в точку, не имеющую размера. Что на ней может поместиться? Ничего. Разве что чёрт. Или тысяча чертей, без разницы – ведь они нематериальны! То есть, конец иглы – это символ нематериального, которое реально – именно благодаря своей «нематериальности», кончик иглы становится главной частью полезного инструмента, раздвигающего материю и тянущего за собой нить. Чем *нематериальней* кончик, тем лучше инструмент. Обломи кончик – и у тебя в руках бесполезный

кусочек металла... Отсюда, игла – доказательство главенства нематериального над материальным.

– Ну да, – понял я по-своему, куда клонит Петрович, – я не то, чтобы прям *верю*, но вот что-то точно есть... Вот мне иногда сны снятся...

– Сны – это важно, но сейчас не о них. Что, с точки зрения *научного* знания, нематериально, но является принципиальным свойством мироздания? Правильно, только информация. Как там... Сначала было *слово*, и слово было у Бога, и слово было – Бог... Слово, в его обыденном смысле, можно написать на глине, бересте, бумаге. Информацию нельзя воспринять без её материального носителя, но один и тот же символ... или код может передавать разная материя, то есть информация не является свойством *конкретной* материи, и в этом смысле она вполне себе не материальна... Не потерял нить? Во-от... Значит, главное, что определяет жизнь, ну или смерть, Кошечка, это некий код, делающий иглу инструментом, придающим индивидуальные свойства Кошечки личности. Инструментом, без которого остальные четыре Кошечки тела, включая материальное – сундук, бесполезны, да что там, мертвы!.. Да, сундук – хороший символ для материального тела, уж куда материальнее, – немного отвлёкся Петрович, чем я воспользовался.

– Так всё-таки, смерть – или жизнь?

– А в чём разница? Это ведь неразрывные... свойства одной и той же сущности. Без «да» не может быть «нет», двоичный код станет бессмыслицей, лиши его хоть нуля, хоть единички... А вместе они описывают любое явление материального мира. Знаешь, я думаю, что вечная жизнь была бы очень похожей на смерть...

Я задрал голову, чтобы разглядеть небо. В бездонном провале меж яблоневого кроны горели звёзды, и медленно двигалась тусклая светящаяся точка – спутник. «Да» – это звезда, «нет» – пустота... Почему так темно посреди города? Наверное, в переулке умерли фонари... Завтра приедут электрики из Горсвета, заменят датчик, и фонари оживут.

– Вот и скажи, откуда берётся код, делающий неживое живым?

Услышав вопрос, может, и риторический, я посчитал невежливым промолчать.

– Ну, ДНК, вроде, передаёт информацию...

– ДНК – это черепок, на котором отпечаталось Слово. А слово было у Бога... Слушай, у нас тут кончилось, ты как?

– Не знаю...

– Пойдём в погреба! Сырку и водички захвати, что ли... И булку вон.

Конечно, мне было интересно, что за погреба с таким приятным содержимым... Петрович шёл впереди, держа в руке фонарь, и я старался поспеть за колышущимся пятном света, рискуя наступить на пятки своему проводнику. Я подумал, почему-то, что вот так, только, конечно, с чающим факелом в руке, Харон вёл к Стиксу вверенные ему души, дабы оные преждевременно, до прибытия в Аид, не переломали себе ноги.

По крутым ступенькам, укрытым шиферным навесом, мы спустились к низкой железной дверке. Петрович щёлкнул ключом и толкнул дверь.

– Осторожно, порог высокий.

В коридорчике, куда мы вошли, зажгётся свет, и Петрович решительно направился к древнему узкому шкафу из изъеденных жучком, покрытых тёмной морилкой досок, рядом с ещё одной, открытой, дверью в уже освещённую комнату. На ощупь, едва приоткрыв шкаф, он достал из его нутра бутылку и прошёл в комнату.

Комната оказалась довольно большой, почти квадратной.

Я сразу понял, что никакие это не погреба, а самая настоящая лаборатория.

В комнате не было окон, и главной формой в ней был квадрат. Пол был выстлан квадратными листами из толстой чёрной резины, а в средней его части был квадрат, со стороной метра в два, из шестигранных, поряточно истёртых, чугунных плиток, на каждой из которых

выступала надпись с буквой «ять» на конце. Над чугунным квадратом низко свисала решётчатая панель такого же размера, из металлических полос «на ребро», скорее всего, медных, образующих ячейки со стороной сантиметров в десять. Посредине чугунного квадрата стоял уютный, плетёный деревянный шезлонг, застланный одеялом. Наверное, в нём можно хорошо выспаться, решил я. Вдоль стены расположились большой письменный стол с офисным креслом на колёсиках и длинная, металлическая самодельная стойка под потолок, с полками, застланными линолеумом. Стойка была забита какой – то лабораторной аппаратурой, хаотично опутанной разноцветными проводами разной толщины. Я твёрдо узнал только древний осциллограф с круглым выпуклым экраном и пару стабилизаторов напряжения. В углу поодаль красовался массивный серый металлический шкаф, видимо, электрический, судя по двум глазкам над дверкой, один из которых светился зелёным неоновым светом, и ручке рубильника сбоку. Я почему-то подумал, что второй глазок, если он загорится, должен быть непременно красным. Освещалась комната квадратными плафонами на стенах, равномерно распределёнными по периметру. Плафоны светились холодным белым светом. Дополнял картину едва слышный, низкий, расслабляющий гул трансформатора, видимо, располагавшегося в шкафу.

– Владик, давай-ка закусь сюда, – скомандовал Петрович, зачем-то включая лежавший на столе ноутбук, – я по бутерброду сварганю, а ты осматривайся. Вон, в шезлонг присядь, там удобно.

– Тут скорее не присесть, а прилечь получится. Плитки интересные, с надписью... «Сомовь»...

– А... Это ещё батюшка мой приволок. Тут до войны хутор был, и большая мельница. Хутор сгорел, мельницу разбомбили взрывом... Ну, участки выделили, строиться людям надо... Так народ потихоньку развалины разбирает, в основном кирпич на фундаменты, а отец плиток ещё, для погреба, догадался взять. Вечный материал – чугуний!

Я положил принесенное на стол и расположился в шезлонге, разглядывая стойку с приборами. Тем временем, Петрович наполнил стопки, и зачем-то продолжил возню с ноутбуком вместо того, чтобы готовить обещанные бутерброды. «Может, музыку хочет запустить», – подумал я и принялся искать глазами колонки. На одном из блоков на стойке засветился синим экранчик размером с пачку сигарет, по которому побежали яркие цифры, и трансформатор загудел сильнее.

Колонок я не нашёл. Зато предметы вокруг начали быстро расплываться, как будто оказались за стремительно покрывающимся паром стеклом, сквозь них проступили яркие округлые зелёные пятна, напоминавшие листья – да это и были листья, похожие на огромные листья кувшинок с жёлтыми прожилками, повисшие в воздухе на толстых красноватых стеблях. И они выглядели куда более реальными, чем расплывшиеся пятна, только что бывшие стойкой, возившимся у стола Петровичем и шкафом с зелёным неоновым глазком. Только чёрные квадраты резины и чугунные соты под ногами оставались чёткими. Даже слишком, нарочито чёткими. И по этим нарочито чётким резиновым квадратам, из мутного пятна, обозначавшего стол, прямо на меня ползла Абсолютно Реальная Змея. Впрочем, с тем же успехом можно было бы утверждать, что абсолютно *нереальная*. В том смысле, что её треугольная башка с маленькими... размером со стандартное яблоко из супермаркета... злыми глазками и мелькающим между белесых губ, обозначающих контуры пасти, ярко-красным раздвоенным языком, была размером с ведро. А мерзкое, лоснящееся, зелёное, с серыми разводами, извивающееся тело соответствующей толщины, к тому моменту, как голова приблизилась к моему шезлонгу, продолжало монотонно выползать из стола. Преодолев шок, я сорвавшимся голосом заорал: «– Петрович, справа!», вскочил на шезлонг, грохнулся головой о медную решётку, отозвавшуюся звоном воскресного колокола, и провалился в беззвучную черноту. Меня не стало.

Глава 2. Теория для дилетанта

Я снова *был*, но мне не хватало уверенности, что я хочу возвращаться. Голова гудела, только это был уже не звон воскресного колокола, а, скорее, гул линии электропередач в пятьсот киловольт, все провода которой проходили через мою голову. И я боялся открыть веки, за которыми горел свет, становившийся красным от крови, пульсирующей в глазах и заставлявшей их болеть.

– Владик, Владик, ты как? – услышал я голос Петровича и осторожно приоткрыл глаза. Я лежал на спине и ощущал спиной упругую прохладу резины. Наверное, шезлонг, опрокидываясь, приземлил меня за пределы чугунного квадрата. Повезло. Хотя, какое, на хрен, везение, если здесь такие твари ползают? Впрочем, я чётко видел прежний интерьер лаборатории, без странных листьев, и склонившегося надо мною испуганного Петровича. Наверное, он стоял на коленях, потому что занимал большую часть поля зрения.

– Она уползла? – собственный голос показался мне звучащим со стороны и лишённым интонаций.

– Что?.. Да! Всё в порядке. Ты как, можешь пошевелиться?

Я послушно пошевелился, попробовал приподнять голову, почувствовал неприятное... давление где-то за глазами, на грани боли, и осторожно опустил голову на место. Резиновая прохлада, которую вновь ощутил затылок, была приятной.

– Могу. Что это было?

– А что ты видел? Я спиной стоял...

– Подождите, – я старался подбирать слова, – в том, что мы пили... Никакой химии?

– Ну что ты. Я физик, а не химик, даже не думай. Извини, я должен был тебя предупредить, но... Хотел удивить, сделать сюрприз... Вот, нельзя нарушать правило – нельзя пить, если работаешь...

– Какая работа? Что это за фигня была?

– Это не должно было быть опасно, *не наша частота*... Я всё объясню, чуть позже... Крови, вроде, нет. Только шишка на темени. Надо приложить... Тут у меня кусок меди был, сейчас принесу, не двигайся, полежи пока.

Гул в голове постепенно сходил на нет и, когда Петрович через пару минут вернулся, я уже осматривался, сидя на полу. Странно, но я ощущал себя вполне трезвым, только очень хотелось пить. А лёгкую головную боль вполне можно было считать последствием падения. Приложив к шишке на темени тяжёлый обрезок принесённой медной полосы, я осторожно встал, пошатнувшись от лёгкого головокружения. Петрович поднял и подтащил к столу шезлонг, аккуратно постелил выпавшее при падении одеяло, помог мне устроиться поудобнее и, вздохнув, уселся в своё кресло, напротив. Помолчав немного, он медленно произнёс, внимательно глядя мне в глаза:

– Ну что... Что бы ты, Владик, не видел, это была реальность. Пить хочешь?

– Да.

Жадно, прямо из горлышка пластиковой бутылки, я вливал в себя шипящую тёплую минералку, наслаждаясь балансом между счастьем и несчастьем, возрождающимся с каждым глотком. Самое ценное в жизни – всегда очень простое. Глоток воды, утоляющий жажду, ценнее миллионного счёта в банке... пока хочешь пить.

– Да, – я окончательно успокоился, – так что это было?

– Это было путешествие. Скорее всего, в каменноугольный период. По *моему опыту*, ты должен был увидеть – только увидеть, без тактильных ощущений – бабочек, размером с подушку, стрекоз величиной с собаку и прекрасные цветы. Похоже, я несколько ошибся...

Но, в любом случае, тактильный контакт был исключён – другой код, – Петрович задумался, постучал пальцами по столу. – Могла быть ошибка по времени. Так *что* ты видел?

– Меня хотела сожрать змея толщиной с сосну из шишкинского леса. Я не понял ничего, какой код? Какие собаки?..

– Гигантская змея? Это же, скорее всего, палеоцен! Это я на двести миллионов лет промахнулся, дурак пьяный... Но змея тебя не видела. Она просто ползла по своим делам. И сейчас ползёт.

– То есть, что значит – «и сейчас»?

– Стоп! Давай остановимся. Так ты ничего не поймёшь, а только опять разволнуешься, зачем это после сотрясения. У тебя ведь сотрясение было, раз сознание терял. Голова болит ещё?

– Так... Не пойму, вроде нет.

Я был в смятении. Змея на резиновом полу среди листьев кувшинок, двести миллионов лет, шишка на голове и единственный вопрос, который укладывался в весьма общую формулу – «что это было»? Такой вопрос подразумевает или очень простой ответ, явно невозможный, или цикл лекций, и Петрович, конечно, это понимал.

– Давай поднимемся наверх, там посидим, чайку выпьем, я тебя, в общих чертах, с теорией ознакомлю. Потом выспимся, а утром позавтракаем... и ещё поговорим.

– Поздно... я, наверное, домой пойду, завтра, тогда, может...

– Нет, тебе полежать надо, как доктор говорю.

– В смысле?

– Ну, пусть и разных там наук, но всё же.

– Защитились?

– Да. В мае. Пойдём потихоньку... Ой, что-то тебя качнуло...

Пока закипал чайник, Петрович постелил мне на широком диване, в большой проходной комнате с окнами в сад. Он был сосредоточен, явно собираясь с мыслями, и я не приставал с расспросами. Почти молча, обменявшись формальными междометиями, мы выпили чаю.

– Давай, ты приляжешь, и поговорим немножко, без суеты. В общих чертах...

Я разделся, лёг, голова провалилась в ещё прохладную подушку, а Петрович, как маятник, не торопясь, прогуливался по комнате.

– Ну слушай, – начал он, – я, ещё когда с вами работал, впервые столкнулся с этими странностями... Мы тогда в Ленинск... ну, на Байконур пару раз выезжали, на самые первые пуски с вашими движками первой ступени, отработывали телеметрию. Ты ещё учился в то время... Такой суммарной мощности до этих пусков не было. Так вот, в общем, с телеметрией всё было в порядке, и с движками тоже, но... На обоих пусках – по трём парам параллельных каналов, относящимся к работе двигателей – были зарегистрированы одинаковые отклонения, относящиеся ко времени. С первой секунды, и до отрыва от стола... Мы зарегистрировали... Ну скажем... *скачки* относительно нормальной шкалы времени – сначала назад в прошлое, затем, с опережением времени, в будущее и, наконец, возвращение, в момент отрыва ракеты, к нормальному положению. Другие каналы телеметрии, не относящиеся к двигателям, работали штатно. Конечно, речь шла о долях секунды, динозавры не являлись. Я опушу вопросы техники и наши рассуждения, но, в общем, они свелись к гипотезе о материальности природы времени, иначе говоря, мы предположили, что время – это материальный объект, которым можно манипулировать, как с любой материей. В данном случае, инструментом манипуляций являлась колоссальная энергия, высвобождающаяся в момент пуска. Дальше тема заглохла – на практику пусков отклонения не влияли, а выявленный инструмент был непомерно дорогим для лабораторного использования... Как бы то ни было...

Петрович продолжал ходить по комнате, освещённой неярким антикварным торшером на точёной деревянной ножке, с оранжевым тканевым абажуром. Он то скрывался в полумраке, то возвращался, и негромко, сдержанно жестикулируя, рассказывал о своих отношениях с субстанцией времени... А я, после недолгой борьбы, провалился в спокойный сон. Змея мне, слава Богу, не приснилась. Приснились белые, как подушка, бабочки среди прекрасных цветов и зависшие в высоком синем небе стрекозы. Или это были не стрекозы, а самолёты – кукурузники. Мой дед летал на кукурузнике... Он и сейчас летит на нём – по своим делам. Только мы не видим друг друга.

Я проснулся от того, что луч солнца пробился между яблоневыми листьями, счастливо миновал оконный переплёт и упал на моё лицо. Стрекозы – кукурузники растаяли в небесной синеве, я повернулся набок и открыл глаза. На кухне что-то громынуло – следовало полагать, что хозяин уже готовит завтрак. Я сложил свою постель в углу дивана, потихоньку сходил в ванную, оделся и решил, наконец, присоединиться к Петровичу.

– Доброе утро!

– Доброе! – он обернулся от плиты, где на сковороде скворчала молодая картошка, – ну, как ты?

– Вроде, всё ничего... Если, конечно, вчерашний день и вправду – был.

– Был, был! Голова не болит?

– Да нет, только шишки лучше не касаться, причёсываться было больно.

– Ну, сейчас завтракать будем. Картошку с сыром – у нас остался сыр – и кефирчиком запьём, а потом чай. Подлечиться не хочешь?

– Не, упаси Бог, я на следующий день на неё смотреть не могу. Даже всю неделю.

– Это правильно. Потребность в опохмеле есть тревожный симптом. Располагайся. Я тебе тут книжку занимательную подготовил, но это после завтрака.

Я сидел на своём диване, а хозяин на этот раз пристроился напротив, в кресле, странным образом сохранившемся, судя по дизайну, с шестидесятых годов прошлого века. Когда Петрович шевелился, лёгкий деревянный каркас кресла угрожающе поскрипывал.

– Так на чём ты вчера остановился в восприятии моей лекции? А то я увлёкся и пропустил момент.

– Ну, кажется... На зафиксированных вами деформациях времени в момент быстрого освобождения энергии пуска двигателей первой ступени, из чего... следовала гипотеза о материальной природе времени. Кажется, так.

– Отлично. Далее я увлёкся неуместными для нашей темы деталями. Рад, что ты запомнил, надеюсь, твоё сотрясение окажется без последствий. Но... Голова точно не болит? Если что почувствуешь... не дай Бог, всё-таки, к доктору, не тяни!

– Так вы теперь доктор!

– Смешно, да. Перевожу в категорию выздоравливающих. Итак, я принял за исходную позицию то, что время материально, а значит, обладает собственной структурой, физическими характеристиками и прочими свойствами материального объекта. Например, оно должно реагировать на воздействие. И оно отреагировало на воздействие высокой энергии. Однако на пусках ракет нельзя менять алгоритм эксперимента, значит, этот путь изучения феномена пока закрыт. Тупик?

– Я так понимаю, с учётом происхождения шишки на моём темечке, вопрос риторический.

– Риторический. Если нельзя зачерпнуть из реки воду, чтобы отвезти её в лабораторию, то есть нельзя идти от частного к общему, что является стандартным методом, следует попытаться понять, как устроена река – где её исток, какая ширина русла и скорость течения... То

есть можно пойти от общего к частному, что также есть метод. Начать изучать общую структуру явления. И это исторически оправдано – люди ведь сначала научились строить лодки, потом принялись возводить плотины и даже исправлять русла, начали рисовать карты и дали рекам имена – понятия не имея о том, что используемая ими вода состоит из каких-то там молекул. Да и мне этот путь ближе. Я ведь практик, экспериментатор. К тому же я имел подозрение, что по реке... Красиво получается – реке времени... кто-то давно путешествует.

– В смысле?

– А тут вот какая история. Лет тридцать назад Валентина Михайловна притащила книжку... Как понимаешь, она их всё время таскает... Сейчас принесу.

Петрович вышел в смежную комнату, видимо, служившую кабинетом, вернулся с истёртым томиком, корешок которого был кое – как проклеен серой бумагой, испачканной клеем, и протянул его мне. На обложке едва читалась надпись, выдавленная в коленкоре: «Духовный мирь», и значился год – тысяча девятисотый. Я осторожно открыл книгу и прочёл, спотыкаясь о «і» и «ъ», на пожелтевшем титульном листе с осыпавшимися краями: «Духовный мирь. Рассказы и размышления, приводящие к признанию бытия духовного мира. Составил протоиерей, магистр богословия, Григорий Дьяченко. Типография Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой дом. Москва – 1900».

– Там такая история, – прокомментировал Петрович, – книга из двух частей. Первая часть – «О бытии Божиим», так сказать теория для правильного понимания части второй. А вот вторая часть – «О бытии бесплотных сил» – это сборник свидетельств о явлении ангелов, демонов и разных духов. С указанием источника, места и времени происшествий, с интересными деталями и подробностями. Ты можешь взять книжку на время, почитать, если интересно.

– Интересно, я возьму. Я, по правде, чем дольше живу, тем меньше материалист. Наверное, скоро буду креститься на испытаниях.

– Вообще-то, спорное деление – материалист, идеалист... Такая себе детская болезнь... «Сначала газмежеваться, чтобы потом объединиться», – энергично прокартавил Петрович, пародируя дедушку Ленина в исполнении артиста Щукина, – Кошей бы возразил против этого деления. Но, давай пойдём дальше.

– Про книжку?

– Про книжку. Все эти ангелы и бесы – потом считаешь – ведут себя, как люди, одни из которых делают добро и не рассчитывают на благодарность, а другие, наоборот, делают гадости и при этом уверены в безнаказанности. Когда считаешь, при желании можно будет это обсудить, но мне тогда *так* показалось. И ещё я для себя решил, что это могут быть персонажи, в нашем понимании, неприличные и необразованные, а могут быть приличные и весьма образованные. Ты в детстве бывал в пионерском лагере?

– Ага. Пару раз.

– Друг друга ночью зубной пастой мазали?

– Весело было! У нас там одна девчонка была, оторва...

– погоди! Представь теперь. Вот, спишь ты один в квартире, за двумя замками на пятом этаже, а утром просыпаешься вымазанный зубной пастой, и ещё в ванной на полу надпись клинописью из того же тюбика. А пустой мятый тюбик в чайнике плавает. Весело?

– Как-то так себе...

– Ну, а если бы твоя десятилетняя оторва имела в своём распоряжении *технологию* для такой шутки, то что её остановило бы? Весело ведь! С другой стороны, добрые и благородные люди часто совершают добрые и благородные поступки тайно, чтобы исключить благодарность... Это *всё* в природе человека. В общем, вторым пунктом в моей исходной позиции является предположение о том, что, тем или иным способом, реально существующие или, с нашей текущей позиции, *существовавшие*, или *ещё не существующие* персонажи, используя некие

технологии, способны проявлять себя в тот или иной момент нашего существования, о чём имеются многочисленные свидетельства. В частности, книжка Дьяченко.

– Я помню, ещё пацаном был, про что – то такое в газетах писали. Барабашка, что ли, какой...

– Да-да-да... Была такая история в московской многоэтажке. Тогда и милиция отметилась, и физики с приборами и батюшки с кадилами – тогда уже «новое мышление» не препятствовало. Практический результат тот же, что у Дьяченко – свидетельства и их объяснения... батюшками. Наука благополучно умылась, милиция умысла не нашла и широко развела руками.

– Не, ну, раз наука привлекалась, они ведь должны были какое-то заключение оформить. Петрович заёрзал в своём кресле и рассмеялся.

– Знаешь, в этой вот книжке один свидетель обращается к учёному за объяснениями. Там в доме Бог знает, какая хрень творится – вилки летают, стуки – завывания, таинственная материализация – почитаешь потом... Дай-ка книжку, сейчас отыщу...

Он пошуршал страницами, ткнул пальцем в строчку и процитировал, как и я, спотыкаясь о старорежимные знаки: «... *Боясь каких-нибудь последствий для ее здоровья, а особенно умственного расстройства, – мы заблагорассудили поехать на некоторое время в Илек; там-то и встретились с знакомым мне доктором Алексеем Дмитриевичем Шустовым, который, удивляясь нашим дивам, успокоил нас тем, что объяснял, хотя и поверхностно (так как дело было проездом), что это, вероятно, дело электричества и магнетизма, проявляющихся вследствие особенного состава почвы под нашим домом, а что группируется все это около моей жены, так как она, вероятно, тоже имеет к этому особенные и индивидуальные предрасположения*».

– Вот, Владислав! Если Вам заблагорассудится прослать дежурным экспертом в области непознанных явлений, – Петрович, видимо, ещё оставался под впечатлением процитированного текста, – возьмите заключение доктора Шустова, замените истёртые ста пятьюдесятью годами эксплуатации «электричество» и «магнетизм» на модные «энергию», «поле» или ещё какую хрень, валите их в кучу, чем больше, тем лучше! Русским языком не злоупотребляйте, ибо он есть лупа для глупости! И, конечно, никому не признавайтесь, что в рамках существующих знаний объяснения нет... а то потеряешь харизму и заслуженный гонорар.

– Где ж ума набраться, чтоб непознанное объяснять. Я лучше с газогенераторами продолжу, по скудости ума...

– Слабак! Ищешь лёгких путей. Ну да ладно, прекратим сотрясать воздух. Шутки шутками, но почувствовал я, что появляются подходы к теме, которую наука, в смысле Наука, всегда обходила. А попытки что-то объяснить сводились к нагромождению всё новых и новых предположений и допущений. Не знаю, слышал ли ты, но в науке семьсот лет используется принцип, именуемый лезвием Оккама. Сам Оккам излагал принцип так: «Что может быть сделано на основе меньшего числа предположений, не следует делать, исходя из большего» или «многообразие не следует предполагать без необходимости». В общем, почти наверняка, верным окажется объяснение с минимальным числом привлечённых сущностей. Лезвие Оккама отсекает лишние.

– Читал где-то, – ответил я. На самом деле, мне этот принцип изложила мать в пору моей несчастливой и короткой семейной жизни. Танька тогда уже трудилась во всю на два фронта и объясняла своё неурочное отсутствие в стиле сценария сериала на втором канале. Я, по слабости, верил и оправдывал, а мать долго молчала, а потом изрекла: «Не следует, сынок, для объяснения явления, привлекать лишние сущности...». Она раньше в Технологическом диамат преподавала.

– Ну вот, значит, и подумал я, – продолжал раздумчиво Петрович, – что, в рамках существующих теорий, объяснения всех этих чудес сводятся к нагромождению всё новых предпо-

ложений, балансирующих на предыдущих предположениях, а значит, объяснениями, скорее всего, и не являются. Пусть уж явится новая сущность взамен имеющегося мусорного ведра с деталями паззлов из разных коробок. Итак: «а», время не мера, а материальный объект; «б», материальный объект *время* на практике используется людьми, или их подобиями, для каких-то своих целей или даже баловства, следовательно, и мы так можем; «в», для выявления свойств объекта *время* следует, по скудости ресурсов, использовать слабые воздействия информационного свойства. Тем более, что имеющиеся свидетельства указывают на пользование *объектом* лицами, едва ли распоряжающимися ресурсами, сравнимыми по мощности с двигателями ракеты – носителя. С этого я и начал пятнадцать лет назад.

– То есть, вы ушли от нас в этой связи?

– Отчасти. Я уже был знаком со спецификой подводной связи, это поле непаханое. А диапазоны относительно высокой частоты слишком хорошо изучены, там трудно найти нечто принципиально новое. Там и связь сто лет развивается, и радиоастрономия семьдесят.

– Радиоастрономия, космос, там же, там – все тайны!

– Думаешь? Это у тебя профессиональный шовинизм. Они везде... Радиоастрономия изучает в основном сигналы, которые преодолевают ионосферу, где – то от десяти мегагерц. Есть, конечно, радиотелескопы на спутниках, но и они работают на очень высоких частотах, просто в силу своего габарита. Ну, а диапазоны дальней космической связи – они там, внутри радиоастрономических. Поэтому я ушёл.

– Про радиоастрономию... Это ведь вы не случайно вспомнили.

– Не случайно. Я думаю... Да что думаю, я теперь знаю, что человек – это часть кое – чего существенно большего, чем «ручки, ножки, огуречек». Он и вправду, вечен, как часть материальной субстанции «время» ... и, в каком-то смысле, бесконечен. Человек есть космическое явление астрономического масштаба, впрочем, как и всё живое. В этом смысле, в каждом человеке, действительно, отражается вся вселенная. А с «ручками, ножками... огуречком» *большая* часть любого человека связана, поверь, именно на сверхнизких частотах. Неизученных почти, ввиду технических сложностей, но, конечно, переполняющих вселенную, так как физически они являются продуктом объектов космического масштаба. Вон, длина волны в пять герц, положим – шестьдесят тысяч километров, вполне себе такой, внеземной габарит, – улыбнулся Петрович.

– И как эти сверхнизкие могут на нас оттуда влиять? Ионосфера ведь?

– Ну... Ничто не исчезает бесследно... Да, на сверхнизких частотах регистрируются сейчас, помимо кодов подводной связи, в основном шумы, возникающие при разрядах молний, тектонических сдвигах... и прочее. Но, с другой стороны, если ведические сказки про семь тел человека разной плотности не есть сказки, а – *подсказки*, то мы, видимо, имеем дело с взаимопроницаемыми полевыми структурами, окружающими наше тело. А физические поля, они ведь распространяются бесконечно, хоть и ослабевают пропорционально квадрату расстояния. Так что, мы с тобой – вот сейчас – присутствуем там, за ионосферой. Радиоволны ионосфера отражает на высоте сто пятьдесят – двести километров, её влияние существенно, где-то, до тысячи километров. Но что нам тысяча километров, при нашей-то бесконечности? – снова улыбнулся Петрович. Он вообще улыбался всё больше и больше, внимательно глядя на меня... Или сквозь меня.

– Ладно. А почему Вы решили, что сверхнизкие частоты для нас так важны? Неочевидно ведь?

– Да понимаешь ли, какое дело... Мозг человека, и это медицинский факт, работает на электрических частотах от одного до сорока герц. Возможно, в определённых условиях, до пятидесяти.

– Во как... Не знал.

– А зачем тебе знать, железячник! Давно, давно известно! Мозгом, только у нас, та же Бехтерева и её институт, шестьдесят лет занимались. Дозанимались до того, что, анализируя энцефалограммы на наших низких частотах, принялись изучать феномен «*выхода из тела*»...

– Души?

– А чему оттуда ещё выходить? И удостоились за это обвинения в мистицизме от Комиссии по лженауке при Академии... Звучит как! Противоречит, решили, выход души официальной модели в виде сформировавшейся системы знаний. А я тебе по секрету скажу, как будешь в Академии – не проболтайся... – Петрович перешёл на игривый шепоток и даже сдержано хохотнул, – наука – она как раз и есть то, что противоречит этой самой модели, всё остальное – это научный архив и сырьё для ремесла.

Мы помолчали. Мой проводник в мир науки долго смотрел куда-то в потолок и нервно барабанил пальцами по деревянному подлокотнику кресла со стёртым лаком. Конечно, у него были непростые отношения со сформировавшейся системой знаний, а может быть даже счёты с комиссией. Я потерпел с минуту, но желание поскорее узнать, что за опыт он надо мной поставил, взяло верх.

– То есть, мы напрямую с космосом связаны?

– Не обязательно. Видишь ли, Земля наша, матушка, тоже имеет свою электромагнитную частоту, именуемую частотой Шумана, и находится она в пределах альфа – ритма мозга. У мозга несколько ритмов, с разной частотой и амплитудой. Считается, что частота Шумана – это семь и восемь десятых герца, но сейчас эта частота растёт по чуть-чуть, и фиг его знает, каким боком это нам вылезет. Хотя, может, это и естественные колебания вокруг некой оси...

– И от Земли сверхнизкие?

– И от Земли. Может, это Земля принимает сверхнизкие из космоса и транслирует нам, *после разумной фильтрации*.

– Разумной?

– Не пугайся пока, это я так сказал. Только... Я с ребятами, которые с космонавтами работают, пообщался в своё время... Там, такое дело... Не афишируют, но у многих летавших странные глюки случаются на высоких орбитах. Они это эффектом Соляриса именуют.

– В смысле, Соляриса Тарковского?

– В смысле, Лема. Ещё Гагарин слышал там странную музыку на первом витке, но только слышал... Волков тоже слышал. Плач ребёнка и лай собаки. Ну, положим слуховые глюки, с кем не бывает. А вот когда начались рекордные полёты... Недели, месяцы... Мне не называли имён – дело скандальное, но... Вот представь, один космонавт вдруг ощутил себя в шкуре динозавра, гуляющего по соответствующему ландшафту. Сверх реально. Он видел свои лапы и когти, ощущал напряжение в хребте, холод под брюхом и жар солнца, чувствовал проминающийся под лапами грунт... Он слышал ветер и своё дыхание, ощущал запахи. Видел сородичей рядом... Он управлял своим динозаврьим телом! И его, уже потом, когда видение завершилось, поразила естественность такого состояния. Типа, ну да, я ползу, а как ещё? Это потом, очнувшись, он испугался, что сошёл с ума. Медики проверяли, не сошёл. Ничего тебе не напоминает?

Да. На меня вчера ползла змея, но это ни хрена не было естественным... Потому, что я был дичью, а не охотником. Страх на секунду вернулся ко мне, и я вздрогнул.

– Напоминает. Да...

– Они ведь между собой обсуждают, кто через это прошёл. Проще всего сказать – галлюцинации... Как тот доктор, сто лет назад, сказал – магнетизм и электричество... Они считают, что это именно перемещение. Чего? Лженаучной души, наверно, что бы за этим словом не стояло. Тело-то оставалось на станции, есть данные объективного контроля. Дышало, сердце билось, параметры давления фиксировались. Такие дела. Так вот я к чему – здесь, на поверхности, похожие явления может и есть, но их статистика мизерна по сравнению со статистикой

там, за ионосферой. Там этих случаев – сотни! Значит, работает фильтр. То есть, наш основной канал связи с... ЭТИМ... Через Землю, но... При определённых условиях... Мы можем соединиться и напрямую... Раз такие случаи, хоть и редко, но происходят...

– А ЭТО – оно что?

Петрович вновь замолчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил, с длинными паузами, осторожно подбирая слова.

– Знаешь, есть такая гипотеза, и даже теория, о *мэонической* вселенной. Вот, ты скажешь, что вакуум – это абсолютная пустота, так в школе учили. Только ведь абсолютной пустоты в природе не бывает. Поэтому сначала вакуум разделили на технический и физический. Про технический вакуум ты сам много знаешь, по профессии. Физический же физики сразу поделили по интересам, потому что он оказался наполнен разными полями и порождает разные странные частицы... Вот мэон – это разновидность физического вакуума. В рамках этой теории говорят о мэоне – информационном вакууме, являющем единую структуру пространства – времени, наполняющем вселенную и содержащем в себе абсолютную информацию обо всём – сущем, прошлом и будущем, – последняя фраза прозвучала торжественно, как тост на столетнем юбилее.

Петрович вновь помолчал и продолжил, уже без пафоса.

– Хотя говорят, что мэон существует *наряду* с миром материальных объектов, но тут же обсуждают его конкретные физические свойства и продолжают в том духе, что мэон, собственно, и породил материальный мир. «Газъединают, чтобы потом объединить», – опять по-ленински пошутил Петрович, – научный метод. Кстати, обсуждают серьёзные учёные – физики, математики. Даже один уважаемый академик отметил.

Я почувствовал, что окончательно теряю связь с реальностью, и сказанному могу либо просто верить, или закозлиться – и не верить. Как в церкви на проповеди. Напротив меня, в продавленном скрипящем кресле, сидел симпатичный улыбающийся одними глазами проповедник, или даже апостол, нечуждый чудесам, в одном из которых я несколько часов назад поучаствовал, и отмахивался от назойливой мухи, залетевшей из кухни. За его спиной, на запыленном стекле окна, играли тени от листвы сада, и мигающий солнечный лучик освещал подросшую за прошедшие пятнадцать лет лысинку. Реальное и невозможное соединились где-то под этой лысинкой и трансформировались в аппарат, там, в подвале. А аппарат изъясил из меня часть меня, и засунул в мэон, и так существующий вокруг, в том числе и внутри меня, наряду с материальным миром, и наславший на меня змею с башкой, как ведро. Надо было что-то сказать, чтобы вернуться.

– Слово «мэон» какое-то греческое...

– Да. У древних философов «*маэон*» обозначало небытие, в смысле, похожем на сверхбытие, или там, чтоб понятнее, дао с нирваной... Понятнее?

– Так – на эмоциональном уровне.

– Я смотрю, ты поплыл... Прерваться не хочешь?

– Наверное. Чёт башка... как ведро.

– Смотри, к доктору, если что...

– Просто устал. Третий час уже, и выпивали... Вам, наверное, тоже отдохнуть надо... Только скажите, в самом общем виде, как это у вас работает?

– Ну, в самом общем... Эта штука в подвале... Она... Ну, это не совсем корректно... Пусть будет – модулирует несущую сверхнизкую частоту, благодаря которой наше информационное ядро... Вот та игла Коцея, помнишь?.. Удерживается внутри остальных четырех тел. Уф-ф... В результате происходит смещение «иглы» внутри структуры пространство – время.

– Так это что, можно и не вернуться?

– Нельзя. Как только модуляция прекращается, равновесие сразу восстанавливается. Без альтернативы. А информационные структуры – они вечны, так что... Тут много вариантов, лучше комментировать по ходу, если ты... Знаешь, было бы здорово, если бы ты поучаствовал.

– Да, я бы хотел. Мне интересно. Тем более, что равновесие восстанавливается, – я попытался пошутить.

– Ну, тогда забей мой телефон, в смысле, вбей, и меня набери... Завтра я к внукам съезжу, а на неделе созвонимся. Ты там особо не распространяйся, ладно?

– Чтобы в психи записали? Не беспокойтесь, Алексей Петрович, я понимаю.

Я записывал телефон, звонил и думал, что, если бы мой мобильник оказался в руках у того доктора Шустова, лет сто пятьдесят назад, он тоже потерял бы связь с реальностью. А так, люди ко всему привыкают. Главное, чтобы постепенно...

– Книжку возмёшь?

– Возьму. Пакетик дадите какой-нибудь?

Петрович сходил на кухню и принёс лощёный пластиковый пакет с ярким изображением разнеможной красавицы в соблазнительной позе и с хлебными крошками внутри. Я встал, засунул в пакет «Духовный мирь», и мы направились к выходу. Наверное, мы оба испытывали некоторое опустошение, потому что шли молча. Ну да, бурные... Сколько там... Двадцать часов, если считать от «бэхи»... На крыльце я невольно остановился. В доме было прохладно, а здесь от ночной прохлады, принесенной вчерашним дождём, не осталось и следа – солнце, едва сошедшее с зенита, пекло нещадно, и горячий воздух сразу осушил лёгкие. Захотелось пить, но я решил дотерпеть до дому, благо тут было ходьбы всего минут пятнадцать. Дома в холодильнике дождалась непочатая бутылка минералки. Можно заскочить в магазин, ещё взять... Или выпить, налить в бутылку воды из-под крана, обязательно через фильтр, и сразу поставить в холодильник. А потом под душ... Петрович проводил меня до калитки, мы попрощались, я шёл по переулку, стараясь держаться в короткой тени забора, и слышал, как громыхает засов, резонируя с железным забором. Я шёл, и ни о чём не думал, зачем-то считая свои шаги, сбиваясь и злясь на Солнце.

Через пару часов я валялся на диване, на влажном после душа полотенце, неглиже, устроив сквозняк, насколько это возможно в однушке, и выковыривая из зубов нетленные фрагменты магазинного бифштекса. Эх, не видит меня моя матушка... Вот бы схлопотал – и за сквозняк, и за бифштекс... Я собирался вздремнуть, но сон не шёл. В рамке распахнутого окна сияло глубокое ярко-синее небо, в котором, как клочок ваты, неподвижно висело крошечное прозрачное облако. Мне надоело его рассматривать, и я протянул руку к глянцевому пакету, предусмотрительно пристроенному на стуле у изголовья. Ещё раз оценив достоинства красавицы на пакете, я осторожно, чтобы не высыпались крошки, достал книгу, и, не задерживаясь на теории, благоговейно переверачивая листы, добрался до второй части. Мне нравилась эта книга.

У меня есть девайс на жидких чернилах, так-то оно удобно... Но не то – пальцем страничку не заложишь, чтобы вернуться... Задумался – засыпает, зараза... И вообще, у книги лицо должно быть – вес, запах, свой оттенок у страниц... а здесь так, информация, в общем – *мзон*... Не знаю, если бы у меня был сын, может, он уже и по-другому бы всё понимал.

Нет, не вторая часть... Здесь – «Отдел второй», с ятем вместо «е». Ей же сто пятнадцать лет! Сколько людей, державших её в руках, родились и умерли за эти сто пятнадцать лет, растворившись в пожелтевших, готовых рассыпаться страницах с крошечным шрифтом, разбитым на две узкие старомодные колонки? Типографская краска, ближе к истрёпанным краям, выцвела и истёрлась, некоторые слова приходилось разбирать и даже восстанавливать, как археолог восстанавливает форму глиняного горшка по сохранившимся черепкам. У меня получалось...

Вот... «...в Патерике упоминается, что один пустынный, страдавший от сильной боли в желудке, исцелён был ангелом. Пришедши к больному и узнавши причину его страдания, ангел-хранитель перстом своим, как бы ножом, разрезал болезненное место, очистил накопившийся там гной, потом рукою загладил рану, и этим действием исцелил пустынного, и возвратил ему телесное здравие...» – читал я, и почему-то был уверен, что эта книга не могла оказаться у меня позавчера, потому, что это было бы не вовремя, как не вовремя было бы повстречать Петровича до встречи с «Бэхой».

«...Ангелы являлись св. мученикам при страданиях их и укрепляли их в сём подвиге. Ангелы, явившись св. мученику Акакию, омыли раны его теплою водою и ухаживали оные. Когда св. мученик заключен был в темницу и обложен железными узами, ангелы снова явились ему и разрешили его от уз... Св. мученикам Евстафию и Анатолию, заключенным в темницу и осужденным на голодную смерть, явился ангел, разрешил их от уз, соделал здоровыми и, подав им манну в пищу, сказал: „во всех страданиях ваших буду с вами, ибо послан от Христа Господа хранить вас“ ... Когда Феодор Тирон в темнице, крепко затворенной и запечатанной, молился, то к молитве его присоединились ангелы. Караул сперва услышал громкое пение, а потом чрез окно увидел множество с Тироном юношей, которые были одеты в белую одежду и вместе с ним пели; сам правитель пришёл к темнице и услышал многие поющие голоса, между тем как великомученик был заключен один...».

Зачем-то я хотел поскорее найти место про доктора Шустова с его электричеством и магнетизмом, но долго блуждал меж других странных историй, радуясь, что до ночи ещё далеко. Наконец, в тексте мелькнула фамилия доктора, и, перелистнув несколько страниц, я добрался до начала свидетельства.

«Милостивый государь, Александр Васильевич!

Исполняя вашу просьбу относительно сообщения о происходивших и происходящих еще и в настоящее время чудесах, я прошу только извинить, что рассказ мой выйдет, может быть, не так связан и последователен, но зато, что он верен и не вымышлен, – ручаюсь и выставляю свидетелей, которые подтвердят все это.

Начну с того, что шестнадцатого ноября я, возвратившись из Илецкого городка на свой хутор, узнал от своих семейных и служащих, что во время моего отсутствия, именно с четырнадцатого на пятнадцатое ноября, т. е. накануне воскресенья, около двух часов ночи, началось совершаться что-то необыкновенное. Именно, как они рассказывали, сначала их испугал сильный стук в стену кулаком, потом вызывающий стук по стеклу наружного окна, выходящего к лесу; затем они явственно слышат, что у них над головами, т. е. на потолке, кто-то пляшет, и так эта пляска была отчетлива и натуральна, что первое время они подумали, что это продолжает потешаться наша стряпка Марья, которую жена моя, ради шутки, чтобы развлечь ребенка, в этот вечер заставила поплясать в комнате. По справке оказалось, однако, что стряпка спит, а стук, повторявшийся время от времени, и пляска не прекращались до утра. На следующую ночь, рассказывали они, около одиннадцати часов, такая же история повторилась снова. Несмотря на то, что все служащие в нашем доме (до шести человек) были собраны и оцепили дом, строго следили, не шутка ли это какого-нибудь чудака или мошенника, но все их наблюдения и даже выстрелы из ружья около дома – не повели ни к чему; стук в стену, в окно и пляска, с небольшими перерывами – все продолжались по-прежнему, так что и эту ночь они провели почти без сна.

Я слушал их рассказ довольно равнодушно и насмешливо, будучи еще с малолетства очищен, так сказать, от всяких суеверий, и дал это почувствовать своей жене, упрекнувши ее за это; а также дал им в то же время слово, что, если эта история повторится при мне (чего жена моя пожелала, обидевшись за мой упрек), то я берусь объяснить им то явление, происходившее, по моему мнению, от причин каких-нибудь, конечно, естественных, а не по наваждению дьявола, на которого они теперь сваливали всю вину.

Часов в 10 вечера, когда все пошли спать, и я в это время, лежа на кровати в смежной с женой комнаты, спокойно читал книгу, как стук в окно довольно осторожный, а вслед затем действительно пляска на потолке подняли меня на ноги. Еще несколько минут спустя, раздаётся сильный стук кулаком в стену. Я не знал, что подумать. Трудно было допустить, чтобы это какой-нибудь негодяй решался третьей ночью сряду и без всякой цели тревожить нас, наверное зная, что я дома (я приехал часа в два) и что ему это не пройдет безнаказанно, тем более, что накануне делались, как я сказал, выстрелы. Кроме этого, пристально наблюдая в окно, я при всем старании ничего не мог заметить. Оставалось думать одно, что это какой-нибудь сумасшедший, который как-нибудь ловко укрывается, и с этою мыслию я с ружьем и в сопровождении других отправился к наружной восточной стене, обращенной к лесу. Подошедши к ней, мы все, к общему нашему удивлению, услышали, что стук кулаком раздался подле нас, но только теперь он уже слышался нам изнутри, тогда как находившиеся в комнате все единогласно утверждали, что они явственно слышали стук снаружи. Я и сам, вошедши в дом, действительно убедился в этом, когда снаружи мать-старуха ставила кресты на завалину. Перед таким загадочным явлением я уже спасовал, потому что ничего не нашлось такого в моей голове, чем бы можно было объяснить себе это.

После этого, около часа спустя, и все прочее прекратилось; уже ничего не было слышно, и мы уснули. Я знал только, что это не иллюзия слуха, не галлюцинация, а что-то такое необыкновенное, что все меня окружающие окрестили «чертовщиной» и с чем, как ни грустно это было, я должен был согласиться, хотя на время.

В следующие затем ночи было тихо, хотя изредка и повторялись некоторые штуки, так, например, раз вечером без всякой причины запрыгал диван, и раздавался где-то за стеною стук, похожий на падение куля с мукой, но все это было как-то неопределенно.

Но вот, двадцатого декабря, приезжает ночевать ко мне один знакомый и, слышавши раньше о происходящих чудесах, сильно интересуется услышать что-нибудь подобное; а так как я сказал, что до этого все было тихо, то я и не мог ручаться за успех, но все-таки в виде опыта прибегнул к искусственному вызову этого явления, именно, заставивши свою стряпку Марью, женщину очень веселого характера, поплясать в комнате, что она и исполнила. Хотя и не было никакого основания думать, что это явление имеет какую-нибудь связь с пляской, однако через час или полтора, к общему нашему удивлению, представление началось с теми же самыми явлениями, с тою только разницею, что вместо пляски на потолке теперь раздавалось барабаненье, сначала в стену, а потом в окно, и очень тактичное, и нельзя также сказать, чтобы однообразное, по временам с сильным стуком в стенку, продолжавшемся до двенадцати часов.

На следующий вечер, т. е. двадцать первого числа, тоже около одиннадцати часов, ко всему прежнему присоединилось еще дикое уканье, раздававшееся по общему заключению в трубе, а потом самопроизвольное летание разных вещей, например, валенок, ботинок и т. д., лежащих на полу и стремительно взброшенных к потолку или с силою ударяющих в дверь, в стену и т. д.; при этом замечено, что иногда летающая вещь издает шипенье, или вдруг из-под кровати взметывается что-нибудь из черного белья, например, сорочка, и, падая на пол, покрытый кошами, производит стук, как бы от падения тяжелого тела.

Под Новый год собирается у меня несколько человек моих знакомых, и все они крайне интересуются слышать наши чудеса. С вечера, разумеется, наша Марья отплясала предварительно, как следует, а потом, часов уже около двух, мы улеглись спать и созерцали наши чудеса часов до четырёх, опять разразившиеся в очень резкие трели по стеклу окна в комнате жены, и переходившие даже на стеклянную дверь в самой комнате. Тут мы снова проверили и убедились в странности явления, что стук, раздающийся в стену, во-первых, совершенно похож на удары кулаком, во-вторых, находящимся снаружи слышится изнутри, а находящимся в комнате – снаружи. Стук этот переходит на разные предметы в самой

комнате и явственно чувствуется рукою, когда приложить ее к стене, к стеклу, или, например, к железной кровати, на которой спит моя жена. Слышались и уканье и разнообразные звуки у окна в роде мычания, рычания и т. п. То кто-то ломится в дверь, запертую на крюк, или ни с того ни с сего вдруг какая-нибудь вещь, например, платок, или что-нибудь из обуви поднимается с пола или печки и с силою ударяется куда-нибудь в сторону. В этот вечер жена моя, которая, правду сказать, не из трусливого десятка, видела явственно в окне просунувшуюся между ставнем руку величиною, по ее словам, как у десятилетнего ребенка, совершенно черного цвета, но с красными ногтями, или, как она говорит, с просвечивающими, т. е. когда вы поднесете вашу руку к зажженной свече, то цвет ваших ногтей именно будет таков.

В этот же вечер на том же месте окна она видела два каких-то отростка, если так можно выразиться, т. е. в роде больших пиявок, но, когда она торопливо позвала меня из другой комнаты подивиться на это чудо, – видение уже скрылось.

Могу уверить, что она в это, как и в остальное время, находилась совершенно в нормальном состоянии и что вообще она ни к каким болезненным припадкам не предрасположена.

8 января, когда у меня ночевали двое знакомых, и когда особенно барабаненья по стеклянной двери были отчетливы, – жена увидела шар, вылетевший против нее, в углу, из-за изголовья другой кровати, на которой лежала ее мать. Цвета он, по ее словам, был темно-малинового и не светящийся, т. е. не издающий от себя света, но только прозрачный и очень походил на надутый гуттаперчевый шар, какие обыкновенно бывают в продаже; величиною в первое время появления был он в чайную чашку, а потом начал повертываться на одном месте, увеличился в объеме до величины чайного блюдечка и с этим вместе стал снова опускаться вниз подле стены и уже из-под кровати (только в меньшем размере), устремился на нее, – вследствие чего она не выдержала и со слабым криком упала в обморок. В это время ее мать тоже подтвердила, что она видела что-то красное, промелькнувшее мимо ее, и что вместе с тем она увидела уже, что моя жена, опустившись с кровати, лишилась чувств. Все это произошло, разумеется, моментально, так что мы и не успели заметить.

До этих пор было еще сносно и даже забавно смотреть и слушать все эти штуки, но с этого вечера, т. е. с появления этого, как сказано в письме (Геогр. Общ.), знаменитого шара, мы уже враждебно стали относиться к этим явлениям, потому, например, что этот проклятый стук в окно женой комнаты девятого января раздался уже днем, часов около трёх, когда жена легла отдохнуть, и после того в тот же день начал преследовать ее всюду; так, например, когда она сидела на диване за чаем, забарабанило рядом с ней по ручке дивана, и когда я сел на ее место, то стук перешел опять рядом с ней на клеёнку дивана, и т. д.; даже раздавался в шкафу, куда она ставила посуду, или когда выходила в кладовую, и там ее преследовал. Понятно, что все мы взволновались, тем более, как она говорила, что, хотя собственно и не боится этого стука, но что при этом она чувствует слабость и сильный позыв ко сну.

Боясь каких-нибудь последствий для ее здоровья, а особенно умственного расстройства, – мы заблагорассудили поехать на некоторое время в Илек; там-то и встретились с знакомым мне доктором Алек. Дмитр. Шустовым, который, удивляясь нашим дивам, успокоил нас тем, что объяснял, хотя и поверхностно (так как дело было проездом), что это, вероятно, дело электричества и магнетизма, проявляющихся вследствие особенного состава почвы под нашим домом, а что группируется все это около моей жены, так как она, вероятно, тоже имеет к этому особенные и индивидуальные предрасположения. Считаю не лишним заметить, что жена моя – женой небольшого роста, блондинка, телосложения не особенно слабого; характера довольно спокойного и сосредоточенного, темперамента скорее флегматичного.

Эти указания доктора, действительно, нас несколько успокоили, и мы все, т. е. кто мало-мальски мог понять что-нибудь, перестали приписывать это чертовщине. Но так как

это сильно заинтересовало доктора, то мы на другой же день и поскакали обратно к себе на хутор, находящийся верстах в тридцати на р. Кинделе. Там, по предварительной пляске Марьи, мы, часов в десять вечера, наблюдали повторившиеся чудеса в виде стуков по стеклу, по стене и все опять-таки в комнате жены, царапание за ковром, около ее кровати, в то время, когда она спала. Но на этот раз, как нарочно, не было ни резких стуков, ни подбрасываний, но, тем не менее, факт подтверждался, и мы были рады, а доктор, воспользовавшись этим, сделал нам еще несколько пояснений, – еще более убедивших нас, что это не чертовщина. Но, чтоб все-таки не оставаться под этим впечатлением, он посоветовал на некоторое время уехать из дома в город.

В продолжение одиннадцати дней, прожитых нами там, по справкам от оставшихся в доме на хуторе, ни разу никто из них, ни днем, ни ночью, не слышали ни малейшего стука. Но представьте наш ужас, когда по возвращении в дом, двадцать первого числа, и по наступлении ночи, т. е. как только улеглась моя жена, – стук и бросание вещей в ее комнате возобновились снова; причем столовый ножик, лежащий на печке, с силою, после других вещей, был брошен в дверь, что заставило нас с этих пор прибирать уже все более тяжеловесные вещи.

Но пред открытием, сделанным нами в следующий вечер, т. е. на двадцать четвертое число, всё, прежде бывшее, положительно бледнеет, именно, в то время, когда жена уже легла спать и барабаненье около нее в стену началось, я ходил в другой комнате со своей дочуркой и напевал ей: «я цыганка молодая...», тогда жена моя и другие около нее, в том числе и мой добрый приятель, Лукьян Семенович Алексеев, просят меня продолжать этот мотив, так как оказывается, что барабаненье в стену отчетливо вторит моему пению. Переменяю «цыганку» на «фигурантку», и мне вторят совершенно верно и этому мотиву. Чтобы убедиться в музыкальной способности этой вторящей или аккомпанирующей силы, Л. С. заводит протяжную казацкую песню: «Не ясные соколики...», и стук этот видимо старается как можно тщательнее подделываться под протяжный тон песни: хотя заметно, что ему это очень трудно. Но как только переменяют на более веселый мотив, то звуки пойдут гораздо резче и веселее.

Наконец, жена взяла к себе на кровать ребенка; стук разом прекратился, и уже на все наши завывания и старания каким-нибудь образом вызвать его снова он молчал упорно до тех самых пор, пока уснувшего возле матери ребенка не положили в люльку, и эта сила, как бы обрадовавшаяся, в ту же минуту проявила себя, швырнувши обе вязанки, лежавшие на полу у кровати, в стену.

Чтобы продолжать наши опыты, жена моя, по просьбе нашей, перешла на другую кровать в той же комнате, рядом со стеклянной дверью, по другую сторону которой в другой комнате мы все и поместились для наших музыкальных занятий.

Стук по стеклу был слышнее и отчетливее, и вот началась потеха и всевозможные песни, польки, марши и мазурки были исполнены блестящим образом. Но вот старухе, моей матери, вздумалось пропеть молитву, и мы тихо затаили «Отче наш»; что же бы вы думали? ни гу-гу – молчат! Только под конец сделан аккорд. Думая, что в этом мотиве мало такта, – мы начали «Пасху», как мотив довольно живой; но нет, не обманешь, – ни звука, как будто ничего и не было. Но вот, опять тотчас же начинают протяжную, даже умьшиленно с перерывами «Во лузях» – вторит и, временами приостанавливаясь, старается попадать в такт.

В это время я позвал своего работника, татарина, и попросил его пропеть по-своему молитву, только почаще, – молчание. Два раза принимался он за «Аллах Бисмилля», и ни звука в ответ. А как в ту же минуту я начинал нарочно речитативом подражать татарину из «Волишебного стрелка: «О, духи, духи, с подземелья...» то звук в стекло громко и отчетливо выбивает каждый такт. Начинаем просто вызывать, например: стукнем один раз, и в ответ раздастся один удар. Два раза – и столько же ответных стуков!

Начинаем выделывать дробь, и по стеклу раздаётся отчетливая и мастерски выделываемая та же дробь. Выделываю всевозможные вариации со звуками, даже заказывая число их, и ни разу не было ошибки. Вели даже целые диалоги с различными вопросами о причине происхождения всех этих явлений, и было отвечено, что все это проделывалось «злым духом», «чортом», «напущенным» в дом одним соседом-казаком, с которым у меня идет тяжба.

Но вот, просыпается ребенок, жена кладет его возле себя, и звук затихает, и наши старания вызвать его остаются тщетны. Тот же факт не раз замечен нами в продолжение музыкальных занятий, которые разом прекращались и при моем появлении в комнате жены. Даже, по словам свидетелей, я не успевал дойти до порога ее комнаты, как звук, вызванный какою-нибудь песнью, – уже замолкал, тогда как присутствие других, ходивших нарочно попеременно к ней в комнату, не имело ни малейшего влияния на барабаненье по стеклу.

Что это такое? – спросят нас. – Не знаю! но что это факты и что ничего тут не перевернуто, не извращено и не преувеличено, в этом поручатся много посторонних свидетелей, слышавших все это своими ушами. Так, например, кроме всей нашей прислуги, при этом три раза был уважаемый Федор Филиппович Соловьев, человек со сведениями и даже более чем не суеверный; Федор Федорович Федулев; доктор Александр Дмитриевич Шустов; несколько человек торговцев из Илека, как Савин Иванович Сыромятников; местный начальник, Василий Иванович Загребин и Лукьян Семенович Алексеев и другие, всего человек до двадцати.

Теперь не лишним считаю добавить плоды наших тщательных наблюдений в течение двадцати четырёх месяцев. Именно, мы убедились, что все эти разнообразные звуки, происходившие прежде непосредственно после пляски Марьи – теперь повторяются и без нее; а также, что совершаются они исключительно около моей жены, которой стоит только лечь в кровать и успокоиться когда бы то ни было, т. е. днем или ночью – и стук этот раздается, или громко, как-то: в стену, в кровать, в стекло, или тихо, как: о ковер, о подушки и т. д., но непременно послышится; стало быть, только она одна и есть виновница всех этих явлений, которые продолжаются иногда более двух часов, иногда менее часу, а также громче или тише, чаще или реже, как, значит, вздумается. Словом, последовательности нет никакой. Так, например, двадцать третьего днём или двадцать четвёртого вечером он был в полном разгаре, вчера же ничего не было слышно; а сегодня, вот, когда я пишу эту черновую, сила эта чудит и разгуливается в полном блеске, швыряя вещи и барабаня до того сильно, что приподнимается кровать жены; несмотря еще на то, что ее (силу) заклиняет какой-то, захавший по своей охоте – знахарь-колдун Иван Федорович, рассказывавший с вечера о своем могуществе над духами и излечивший многих, будто бы, от разных болезней, так что сделался известен чуть ли не «всему миру», о чем просит навести, однако, справку в г. Барнауле, Томской губернии. Это тоже последовательно, нечего сказать!

В заключение скажу одно, что надо слышать все это собственными ушами и видеть, чтобы составить себе ясное понятие обо всем этом, а рассказом, даже в десять раз лучшим моего, не произведешь и сотой доли настоящего впечатления. Так это, действительно, все странно и непонятно, что невольно, отбросивши в сторону мало знакомое нам и электричество, и еще менее понятный – магнетизм, невольно веришь в чертовщину.

Надеюсь, впрочем, что с помощью просвещенных наукою (узнавших теперь об этом) людей – рано или поздно – найдем разгадку. А я буду продолжать наблюдения и сообщать их по мере надобности.

С моим к вам почтением имею честь быть ваш покорнейший слуга,

Василий Щапов.

Хутор Измаиловский. 26 января 1871 года.»

Опустив книгу, я перевёл взгляд на окно. Облако расползлось, и уже не помещалось целиком в рамку, но зато стало почти невидимым. Скоро оно станет совсем невидимым, но это

не значит, что его не будет – просто зрение имеет свою границу восприятия. Я прикрыл глаза. На душе было тревожно, словно я вдруг оказался на краю обрыва. Стоп. Ну, случился этот «магнетизм» сто сорок лет назад. ЭТО, похоже, всё время случается, такая сторона жизни, о которой не стоит думать, раз уж нельзя повлиять. Мы ведь привыкаем не думать о смерти, хоть она и напоминает о себе. Методично.

Мой отец умер три года назад, пережив бабушку всего года на полтора. Неожиданно – тромб в сердце. Мать держалась, хоть и плакала всё время, брат Ярик, как самый практичный, мотался, оформляя бумажки, которых потребовалось больше, чем раньше было нужно живому человеку, а я впал в ступор. Потому, что днём раньше был *иррационально* уверен, что отец будет всегда, потому что до этого он был всегда. Нет, днём раньше я не был идиотом, и умом всё понимал, да и на поминках к тому времени случалось бывать всё чаще. Через месяц, или чуть больше, недалеко за полночь, я вдруг проснулся и открыл глаза, явственно ощутив чьё-то присутствие. Я тогда уже развёлся с Янкой и был в своей однушке один. В комнате, скудно освещаемой фонарями за окном, было почти темно. Я вдруг понял, что не могу пошевелиться, а редкие удары сердца не позволяют крови согреть коченеющее тело, на которое навалилась непонятная тяжесть. Я смотрел в потолок, чувствовал, что кто-то склоняется надо мной, но никого не видел. Потом тяжесть начала таять, сердце застучало быстрее... Я с трудом встал с постели и зажёл свет, окончательно развеявший странные чары. Осталась только иррациональная уверенность, что я только что попрощался с отцом.

Если бы у меня был сын, я тоже, *в своё время*, пришёл бы к нему попрощаться. Если бы у меня был сын.

Глава 3. Яночка

Если допустить, что в жизни что-либо происходит случайно, то она появилась в моей жизни случайно.

Десять лет назад меня позвали на свадьбу. Женился мой однокурсник, Макс. Нас, неженатых, из группы оставались тогда трое – Макс, я и разгильдяй Витька. Не то, чтобы мы прям дружили, но связь поддерживали, хотя по работе и не пересекались – по специальности работал только я. Макс остался в аспирантуре, на чём-то там защитился и читал сопромат в политехе, а у Витька был непонятный мелкий бизнес, никак не хотевший крупнеть.

Женился Макс на своей бывшей студентке, после семи лет романтических свиданий, в связи с интересным положением невесты, о чём он мне зачем-то поведал на мальчишнике где-то после трёхсот пятидесяти, решительно преодолев мои попытки уклониться от получения этой интимной информации.

Свадьбу затеяли в деревне, километрах в ста от города, где жили родители Макса. Был сентябрь – самое время для свадьбы в деревне. То есть, регистрация-то должна была быть в городе, а потом безмашинных гостей планировалось усадить в автобус и рулить в деревню уже на нём. Я решил не париться, и поехать на мотоцикле.

С Витькой на хвосте я подъехал к ЗАГСу за полчаса до регистрации, а минут через десять подкатили большая белая «Тойота» с молодыми и зелёная «Нива» с их родителями.

Свидетельницей невесты была Янка. По мне, она была похожа на Мэрилин Монро. Наверное, она тоже была в этом уверена, потому что на её левой щеке, ближе к пухлым губам, имелась нарисованная родинка, а стрелки на серых глазах были в стиле шестидесятых.

Ну, в ЗАГСе, как в ЗАГСе – свидетельница кружилась вокруг невесты, я общался с однокурсниками, после регистрации гости организованно посыпали молодых какими-то зёрнами, молодые за это отпустили пару голубей, весь день добросовестно летавших по кругу, техника выстроилась в колонну, и мы, библикая, поехали.

Было солнечно и тепло, трасса была свободной, я несколько раз пристраивался сбоку «Тойоты», чтобы помахать рукой молодым, а заодно рассмотреть свидетельницу, сидевшую у открытого окошка. По всему, она была ровесницей невесты – однокурсницей или одноклассницей, решил я. Свидетельница махала в ответ ручкой с яркими длинными ногтями, и я был уверен, что она машет именно мне, а не Витьку, который, с непривычки, тихо сидел за спиной, стараясь лишний раз не шевелиться.

По приезду, я, вслед за «Тойотой», закатил во двор, спешил, и вежливо открыл дверь со стороны свидетельницы, чтобы помочь ей выйти. Это было вполне уместно, потому что на ней было узкое блестящее платье до колен и туфли на высоких каблуках. Она маленькими шажками подошла к мотоциклу, погладила своей нежной ручкой нагретый на солнце бак, звонко стукнув колечком с розовым камушком, и сказала:

– Классный байк! Меня Яна зовут.

Я был воодушевлён, поскольку похвала коню – это очевидный комплимент всаднику.

– Яна?.. Владислав.

– Вообще-то, Татьяна, но мне нравится Яна, а для родных и близких – вообще Яночка.

Она подняла голову и посмотрела мне в глаза своими огромными, сияющими, серыми глазами с такими лучиками и обворожительным тёмным ободком.

– Мне можно будет назвать вас Яночкой? Когда-нибудь.

– Точно не сегодня, – засмеялась она, отведя взгляд, – а вы кто молодым будете?

– Однокурсник жениха.

– Значит, и ровесник. А выглядите моложе.

– Веду подвижный образ жизни, – похлопал я рукой по седлу.

– Ну ладно, меня невеста заждалась... ой, жена теперь уже, – Яночка быстро повернулась и пошла в дом, куда, в очередной раз попозировав перед фотографом, зашли молодые.

Гости тем временем собирались в кучки, по знакомству, и шли в сад за домом, где, под сколоченным из досок уютным навесом, был устроен длинный стол с лавками. У стола суетились помощницы хозяйки, выставлявшие разную, аппетитно пахнущую, снедь. Я увидел в саду Витька, подпитывавшегося позитивной энергией от застольных запахов и оживлённо что-то втолковывающей ему Тайки, висевшей на руке мужа – Анатолия, в то же время, не обращая на него видимого внимания, и присоединился к ним.

Свадьба, обошедшаяся без наёмного тамады, через честные домашние поздравления и «горько», не торопясь, приближалась к танцам на пространстве между домом и садом, аккуратно вымощенном бетонными плитками, под музыку из выставленных в окно здоровенных колонок, похрипывавших на верхах, зато добросовестно отдававших низы, потребность в которых у гуляющих закономерно возрастает с каждым тостом.

Когда пора танцев подошла, уже смеркалось. Откуда-то тянуло дымком осеннего костра, и этот запах, и густые басы колонок, и лиловый прохладный сумрак, наваливавшийся с запада, где уже проклюнулись первые звёздочки, и сладкое марево в моей голове составляли безупречную гармонию. «Хорошо, что они не сняли какую-нибудь кафешку» – думал я, похрустывая яблоком, услужливо предоставленным ближайшей веткой. На проводе, протянутом от дома к навесу, зажглись редкие лампочки, и свет отделился от тьмы, и был вечер... Рядом нежно щебетала Тайка, объяснявшая мужу очевидную необходимость не поддерживать каждый тост, потому что у того печень, а близнецов ей одной поднимать никак не в радость, и... Я встал, испросил у Толика позволения, будучи вполне уверен в согласии, и забрал Тайку на танец.

Я кружил её над бетонными плитками, мастерски, как полагается опытному байкеру, избегая столкновений с соседними парами, она что-то там убедительно рассказывала, и мне было не важно, что, потому что её щебет замечательно гармонировал с басами, и Тайкина талия упруго пружинила под моей ладонью.

– Эй... Эй, Лунёв, ты слушаешь вообще? – почти прокричала она, глядя на меня даже обиженно.

– Та-е-ч-ка, да конечно! Ваш звонок очень важен для нас! – ответил я в ритме танца, но замедлил движение, стараясь, впрочем, не выпасть из ритма.

– Балбес. Вот что вы все ни одного тоста не пропускаете? Я тебе что говорю? Ты что, так и хочешь в холостяках скончаться? Что ты тут со мной кружишься?

– Как это? Ты ведь самая прекрасная и обворожительная! Вот кабы не Толик, я бы с тобой скончался, в один день... Но не могу предать друга.

– Если бы, да кабы! – ожидаемо передразнила она, – Всё! Раньше надо было думать, болтун! Не про вашу честь...

– Не про мою... Что ж мне делать-то?

– Вон, смотри, свидетельница на тебя весь вечер смотрит, – Тая повернула голову в сторону стола, – симпатичная такая девушка, скромная, обратил бы внимание!

Я посмотрел. В самом конце длинного стола, под лампочкой, освещавшей молодожёнов, сидела Яночка, и вправду смотрела в нашу сторону. Я бы не стал утверждать, что прям на меня, но Тайке – ей виднее, она вообще наблюдательная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.